

ИРАН ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США НАКАНУНЕ И В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Работа представлена кафедрой всеобщей истории ВятГГУ.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В. Т. Юнглод*

В статье анализируется политика США в отношении Ирана накануне и в течение первого этапа Второй мировой войны (сентябрь 1939 – июнь 1941 г.). Указываются направления, по которым происходит сближение позиций двух стран и причины этого процесса. Констатируется, что уже в течение первого периода Второй мировой войны начинает происходить медленная переориентация внешней политики Ирана на новую «третью силу» – США и у двух стран появляются общие политические интересы.

The politics of the USA concerning Iran on the eve and during the first stage of the Second World War (September, 1939 – June, 1941) is analyzed in the article. The directions of the rapprochement of the two countries' positions and the reasons for this process are specified. It is ascertained that the slow reorientation of Iran's foreign policy to the new «third force» – the USA – began already during the first period of the Second World War and the two countries found out common political interests.

Если бы в 1939 г. представителям британской, немецкой или советской политической элиты сказали, что к концу войны Иран окажется в сфере национальных интересов США, что именно в Иране произойдет один из первых конфликтов холодной войны и здесь столкнутся американские и советские интересы, что США займут ведущие позиции во внешней торговле

Ирана, наверное, они бы не поверили¹. Да и сами американцы, скорее всего, сочли бы эти предсказания невероятными. И у них были веские основания для этого.

Госсекретарь США К. Хэлл в своих мемуарах вспоминал: «До войны наши отношения с Ираном никогда не имели большой важности. Иранская внешняя политика ориентировалась на Россию и Британию»².

Легендарный А. Мильспо, глава двух американских финансовых миссий в Иране (1922–1927 и 1943–1945 гг.), как никто из американцев знавший Иран, был согласен с этой оценкой: «До Второй мировой войны земля Льва и Солнца лежала за политическим горизонтом и почти вне границ познания Соединенных Штатов»³. Один из известных исследователей истории Среднего Востока в годы Второй мировой войны Дж. Кирк писал: «Прежние интересы Соединенных Штатов на Среднем Востоке, их образовательные и миссионерские учреждения к началу войны носили неполитический характер...»⁴. Подобные цитаты можно продолжить. Большинство иностранных и советских (российских) исследователей американо-иранских отношений согласны с выводом о том, что накануне войны Иран находился вне зоны политических интересов США⁵.

Можно указать несколько причин такого положения дел. Во-первых, традиционное пребывание Ирана в сфере влияния России (СССР) и Великобритании. Во-вторых, отсутствие общих политических интересов, а также разные дипломатические «весовые категории» и статусы США и Ирана в международных отношениях. Не способствовали взаимодействию и различия в их позициях по отношению к Лиге Наций, в которую Иран вступил с момента ее создания. В-третьих, преграда в виде концептуальных оснований внешней политики двух стран. Во внешней политике США длительное время присутствовал изоляционизм, правовую базу которого с 1935 г. составляло законодательство о нейтралитете⁶. Иран же в своей политике стремился сбалансировать интересы СССР и Великобритании и опереться на «третью силу» – страну, которая послужила бы противовесом советско-английского влияния и помогла Ирану получить независимость. И если США относили Иран к сфере влияния Великобритании, то большая часть иранской правительственной администрации во главе с шахом в качестве противо-

веса и «третьей силы» рассматривали фашистскую Германию⁷. В-четвертых, авторитарный стиль правления Реза-шаха и его личность. Как отмечал К. Хэлл, «иранское правительство под руководством сверхчувствительного диктатора, шаха Реза Пехлеви, с 1925 по 1941 г. было преградой на пути улучшения американо-иранских отношений. Реза Пехлеви в это время пытался закрыть дверь любому иностранному влиянию, периодически направляя протесты другим правительствам по поводу публикаций в иностранной прессе, которые он рассматривал как вредные для Ирана»⁸.

Рассматривая вопрос о месте Ирана во внешней политике США к началу Второй мировой войны, мы должны помнить о том, что Иран не был исключением среди стран Ближнего и Среднего Востока. Известный государственный деятель и дипломат, в 1937–1943 гг. занимавший пост заместителя госсекретаря США, С. Уэллес отмечал в 1947 г., что «Соединенные Штаты не имели политических интересов в этой важной части мира...»⁹.

Отношения между США и Ираном в 1930-е гг. складывались непросто. Ревностное отношение к международному имиджу своей страны и подозрительность шаха вкупе с желанием укрепить свою власть часто определяли мотивацию иранской дипломатии. Это выразилось и в том, что с марта 1936 г. в США не было представительства Ирана. 27 ноября 1935 г. произошел так называемый «элктонский инцидент», когда за превышение скорости в г. Элктон шт. Мэриленд был арестован иранский посланник в США Гаффар Джелал. Несмотря на полученные извинения, иранское руководство посчитало манеру описания данного происшествия в американской прессе «недостойной и фривольной» и 29 марта 1936 г. закрыло иранское представительство в США¹⁰. Большой потери Соединенные Штаты от этого не почувствовали, но прежде всего по соображениям экономической выгоды они выступили активным началом в деле восстановле-

ния американо-иранских отношений. Первым шагом было назначение в марте 1937 г. поверенным в делах США в Иране К. Энгерта, который уже служил в американском представительстве в Тегеране в 1920-е гг. и был лично знаком с шахом, когда он был еще военным министром. Затем последовало поздравительное письмо президента США Ф. Д. Рузвельта в марте 1938 г. по случаю дня рождения шаха, которое подготовило благоприятные условия для специальной миссии главы Отдела ближневосточных дел Госдепартамента США У. Мюррея в октябре 1938 г. в Иран, во время которой Мюррей передал второе послание Реза-шаху от президента. Эти меры, а также тревожная обстановка в Европе привели к тому, что в январе 1939 г. иранское дипломатическое представительство в Вашингтоне было открыто вновь. Таким образом, дипломатические отношения между двумя государствами были восстановлены в полном объеме, хотя и на более низком уровне¹¹.

Продолжая тему «Рузвельт и Иран», следует отметить, что у Ф. Д. Рузвельта вообще не было опыта личных контактов с шахом Ирана Реза Пехлеви. Что касается письменных обращений в данный период, то после двух посланий в 1938 г. президент США официально обратился к шаху Ирана уже только 2 сентября 1941 г. в ответ на просьбу последнего о помощи. Это произошло уже после ввода советских и английских войск в Иран и за две недели до отречения шаха¹². В феврале 1940 г. при вручении верительных грамот новым иранским посланником М. Шейестехом президент отметил свою веру в то, что Иран сможет защитить себя от возможных агрессоров. Согласно посланнику президент добавил, что его правительство окажет любую возможную помощь в самообороне Ирана¹³.

Отсутствие интереса к Ирану и средневосточному региону определяло и соответствующую организационную структуру Госдепартамента. До начала 1942 г. в нем не было референта по Ирану. Штат Отде-

ла ближневосточных дел состоял из 7 человек, которые занимались и Северной Африкой, и Индией, и Ближним Востоком. В Иране находилось американское представительство в столице, со штатом кроме поверенного, а затем посланника, в 3 человека, и два консульства – в Тегеране (2 человека) и в Тебризе (1 человек)¹⁴. Характерно в связи с этим замечание М. Литла: «За исключением нескольких людей, подобных У. Мюррею, Госдепартамент едва ли смог бы найти хотя бы одного человека как в правительстве, так и вне его, который по крайней мере знал, где находится Иран, уже не говоря о тех, кто мог бы помочь сформулировать разумную политику»¹⁵.

Госсекретарь США К. Хэлл был по роду своей деятельности активным участником американо-иранских отношений. Но «главным архитектором ирано-американского альянса», по мнению М. Литла, был глава Отдела ближневосточных дел У. Мюррей. Хотя он был согласен с Хэллом в оценке «авторитарного националистического режима Реза-шаха»¹⁶, тем не менее «он выступал в роли адвоката политики развития отношений с Ираном в американском правительстве. Он полагал, что Соединенные Штаты должны помочь стремлению шаха модернизировать страну. Он разделял иранские сомнения в отношении Советского Союза и Великобритании. Он видел Америку в роли третьей силы в этой стране, полагал, что двустороннее сотрудничество принесет пользу обеим странам»¹⁷. Мюррей хорошо знал Иран. В 1920-е гг. он, так же как и К. Энгерт, работал в этой стране при А. Мильспо. Это был опытный дипломат и требовательный руководитель отдела. В 1945 г. он был назначен послом в Иран в очень ответственный момент ухудшения отношений с Советским Союзом¹⁸. Непосредственно в Иране главная работа по поддержанию дипломатических связей велась поверенным в делах США в Иране К. Энгертом (май 1937 г. – декабрь 1940 г.) и посланником Л. Дрейфусом, который сменил Энгерта в декабре 1940 г.

Мюнхенское соглашение и рост агрессивности Германии и Италии послужили сигналом к сближению позиций двух стран. Накануне войны закладывалась основа для будущего сотрудничества. 14 апреля 1939 г., в день объявления о присоединении Албании к Италии, президент США Ф. Д. Рузвельт обратился с известным открытым посланием к Гитлеру от лица всех наций с требованием гарантий от дальнейших нападений в течение 10 лет на «независимые нации». Среди 31 перечисленной страны был назван и Иран¹⁹. Текст обращения президента США через американские дипломатические представительства был передан различным правительствам, в том числе и в Тегеран. 24 апреля поверенный в делах США в Иране Энгерт сообщил об «очень благоприятном впечатлении», которое оно произвело на иранское руководство. Характерно, что на вопрос иранского министра иностранных дел, не означает ли оно отказ от традиционной политики США, Энгерт ответил отрицательно²⁰.

Но первые изменения в политике США в отношении Ирана произошли в первый период Второй мировой войны. Заключение советско-германского пакта о ненападении в августе 1939 г. и начало Второй мировой войны оказали важное влияние на американо-иранские политические отношения. Произошли два значительных изменения, которые резко усилили тенденцию к их взаимному сближению. Первое из них заключалось в том, что с началом войны обе страны оказались в одной обойме нейтральных государств. США, став лидером этой группы, демонстративно заявляли о необходимости защиты независимости малых стран по всему миру и предотвращения втягивания их в войну. На все нейтральное сообщество были распространены принципы политики «добрососедства»²¹. Этим странам стала оказываться различная дипломатическая и экономическая помощь. Проводилась работа по формированию соответствующего общественного мнения.

Так, 8 февраля 1940 г. госсекретарь США сообщил послу Соединенных Штатов в Бразилии Дж. Кэффри о том, что президент предложил обменяться взглядами правительствам нейтральных держав по проблемам ограничения и сокращения вооружений и создания прочной международной экономической системы. Консультации должны были касаться вопросов, относящихся к поддержанию мира после окончания войны, и не предполагали обсуждения военной проблематики. 10 февраля от имени Хэлла подобные телеграммы с *mutatis mutandis* были посланы другим нейтральным странам, в том числе и Ирану с инструкцией передать это предложение правительству Афганистана²².

27 марта 1940 г. Рузвельт, ссылаясь на неформальные переговоры с греческой православной церковью, предложил помощнику госсекретаря А. Берлу направить (по аналогии с М. Тэйлором – личным представителем президента в Ватикане) посланника в Греции Л. Маквея к восточным патриархам для обсуждения главных мировых проблем и выяснения их позиции. Другому дипломату предполагалось поручить аналогичную миссию в мусульманском мире: в Турции, Саудовской Аравии, а затем в Египте, Ираке и Иране²³.

Визит В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. также свидетельствовал о возросшем интересе США к нейтральным странам. Так, в списке вопросов, планировавшихся советской стороной для обсуждения, в п. 7 говорилось о том, что «на возможный вопрос о наших отношениях с США ответить, что США также спрашивают нас, не можем ли мы оказать поддержку Турции и Ирану в случае возникновения опасности для них. Мы пока не ответили на эти вопросы»²⁴.

Несмотря на упомянутую выше организационную ущербность Ближневосточного отдела Госдепартамента, резко возросло значение такой функции американской дипломатии, как сбор информации о политике великих держав на Ближнем Востоке,

в том числе и в отношении Ирана, ее анализ и составление прогнозов. В связи с этим необходимо отметить, что круг «информаторов», которые предоставляли американским дипломатам сведения об Иране и политике великих держав в отношении этой страны, был довольно широким. Помощник госсекретаря А. А. Берл, глава Отдела ближневосточных дел У. Мюррей и его помощник П. Г. Эллинг в США, К. Энгерт и Л. Дрейфус в Иране и Афганистане, Л. А. Штейнгардт и У. Гарстон в СССР, У. К. Буллит во Франции, Д. В. Макмюррей в Турции, П. Кнабеншуэ в Ираке, А. Б. Лэйн в Югославии, Д. Ф. Монтгомери в Венгрии, Л. Б. Моррис в Германии и многие другие получали информацию от англичан, французов, немцев, шведов, финнов, руководителей и сотрудников МИД СССР и Балканских стран, турок, иракцев, афганцев, японцев и представителей других государств. Причем иногда путь получения сведений был очень замысловатым. Так, 18 ноября 1940 г. британское посольство передало главе Отдела дальневосточных дел Госдепартамента США М. Гамильтону сообщение о том, что французский посланник в Таиланде в разговоре с премьер-министром этой страны узнал о планах СССР в отношении Ирана и Индии²⁵. Или посол США Штейнгардт сообщал о встрече в Москве 24 марта 1941 г. со шведским посланником и переданной ему информации от его коллеги в Берлине А. Г. Рихерта о планах Германии и СССР в отношении Финляндии и Ирана²⁶. При этом бесспорен тот факт, что львиная доля всего объема сообщений о положении Ирана приходилась на американское представительство в Тегеране.

Диапазон сведений по различным аспектам международных отношений, передаваемых дипломатическим представителям США, был довольно обширным. В этот период американских дипломатов интересовала трансформация отношений четверки стран: Германии, СССР, Великобритании и Турции – в связи с их политикой

в Иране. Особое внимание уделялось перспективам войны Англии и Франции с СССР на черноморском и каспийском направлениях (Батуми и Баку), а также намерениям Гитлера и Сталина в отношении Ирана. Интерес вызывали ноябрьская встреча 1940 г. В. М. Молотова и Гитлера и советско-германские планы раздела сфер влияния. Отслеживалась информация и о региональной роли Ирана на Ближнем и Среднем Востоке и ситуации внутри страны. В частности, Госдепартамент США интересовала возможность превращения Саадабадского пакта в оборонительный союз²⁷, активность итальянских субмарин в Индийском океане и Персидском заливе, пароходная служба между Ираком и Индией²⁸, активизация немецкой «пятой колонны» в Иране, безопасность американских граждан²⁹ и другие вопросы.

Второе изменение в отношениях двух стран относилось к внешней политике Ирана. Пакт о ненападении между Германией, на которую Иран делал ставку как на «третью силу», и СССР – страной, с которой у Ирана существовали давние геополитические противоречия, и последующее попустительство Германии советской политике в отношении Финляндии и Прибалтийских государств насторожили часть иранских политиков, которые боялись последующей советской экспансии в направлении Персидского залива. Поворот к Британии, от которой Иран находился в сильной зависимости, был в этих условиях маловероятен³⁰. В результате в Иране стали укрепляться позиции проамериканской партии, рассматривающей именно США в качестве «третьей силы». К такой позиции постепенно стало склоняться и шахское руководство³¹.

Этому способствовал и образ Соединенных Штатов, борца за мир и нейтрала, защитника независимости малых народов и их помощника, который формировался у значительной части иранской политической элиты и который бесспорно увеличи-

вал привлекательность идеи сближения с Вашингтоном. Так, Р. Коттам указывал, что у иранцев формируется несколько идеализированное представление о США как о силе, которая поможет Ирану получить независимость³².

Кроме того, одной из причин роста влияния США в Иране в начале войны являлось отсутствие у них каких-либо политических интересов до войны и возникновение общих интересов после ее начала. А. Мильспо считал, что, «несмотря на этот факт (отсутствие интереса США к Ирану. – А. Ч.), или скорее из-за него, с Америкой связывали все больше надежд, в общественном мнении Ирана выигрышно оценивались особая репутация американцев и уникальность отношений с ними»³³. Фактически об этом же писали А. Петер и М. Литл, называя в качестве причины рос-

та проамериканских настроений отсутствие у США имперского прошлого³⁴.

Таким образом, если накануне войны Иран находился вне сферы политических интересов США, то в ее первый период произошли серьезные изменения, причем наиболее заинтересованной стороной в них был Иран. Военные события в Восточной Европе и снижение доверия к Германии заставили Иран начать процесс переориентации внешнеполитического вектора на новую «третью силу» – Соединенные Штаты, авторитет которых среди нейтральных государств возрастал. У США и Ирана появились общие интересы, связанные с их безопасностью и независимостью. Важность региона Среднего Востока и стремление поддержать нейтральный Иран привели и к формированию политической значимости Ирана для США.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Егорова Н. И.* Формирование концепции национальных интересов США на Ближнем и Среднем Востоке, 1944–1946 // США и внешний мир. Материалы IV научной конференции Ассоциации изучения США. М., 1997. С. 23; *Hull C.* The Memoirs of Cordell Hull. Vol. II. N. Y., 1948. P. 1492.

² *Hull C.* Op. cit. P. 1501. В январе 1940 г. в Иране находилось 155 граждан США. Для сравнения: в Ираке – 582, а в Сирии – 1380 (см.: Documents on American Foreign Relations. Vol. II. B., 1940. P. 828).

³ *Millsbaugh A. C.* Americans in Persia. W., 1946. P. 7.

⁴ *Kirk G.* The Middle East in the war. L. 1954. P. 23.

⁵ *Lytle M. H.* The Origins of the Iranian-American Alliance. 1941–1953. N. Y.; L. 1987. P. XIII, 58; *Rubin B.* The Great Powers in the ME. 1941–1947. L., 1980. P. 18; *Thomas L. V., Frye R. N.* The United States and Turkey and Iran. C., 1952. P. 245; *Wilber D. N.* Contemporary Iran. N. Y., 1963. P. 108–109; *Motter T. H. V.* The Persian Corridor and Aid to Russia. W., 1952. P. 7; *Поздеева Л. В.* Англо-американские отношения в годы Второй мировой войны, 1941–1945. М., 1969. С. 389; *Понов М. В.* Американский империализм в Иране в годы Второй мировой войны. Американская финансовая миссия. М., 1956. С. 9.

⁶ *Sicker M.* The Bear and the Lion. Soviet Imperialism and Iran. N. Y.; L., 1988. P. 51.

⁷ *Lytle M. H.* Op. cit. P. 7; *Peter A.* Modern Iran. L., 1965. P. 311; *Kuniholm B. R.* The Origins of the Cold War in the Near East. P., N. J., 1980. P. 136; *Годс М. Пеза.* Иран в XX веке. Политическая история / Пер. с англ. И. М. Дижуря. М.: Наука, 1994. С. 158, 182.

⁸ *Hull C.* Op. cit. Vol. II. P. 1501.

⁹ *Speiser E. A.* The United States and the Near East. L., 1947. P. X.

¹⁰ Foreign Relations of the United States diplomatic papers (Далее – FRUS). 1936. Vol. III. P. 345. Это была не единственная причина ухудшения американо-иранских отношений в середине 1930-х гг. Тем не менее американское дипломатическое представительство в Тегеране продолжало свою работу.

¹¹ *Grayson B. L.* United States – Iranian relations. W., 1981. P. 48–50; FRUS. 1938. Vol. II. P. 750–751; *Hull C.* Op. cit. P. 1501. *Агаев С. Л.* Иран: внешняя политика и проблемы независимости 1925–1941 гг. М., 1971. С. 267–274. Вновь назначенный глава иранского представительства Али Акбар Дафтари был в ранге поверенного в делах, в то время как отозванный в 1936 г. Г. Джелал был посланником. Посланником будет и сменивший в феврале 1940 г. Дафтари М. Шейстех.

¹² FRUS. 1941. Vol. III. P. 446–447.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

- ¹³ FRUS. 1940. Vol. III. P. 645.
- ¹⁴ *Lytle M. H.* Op. cit. P. 10. Для сравнения: в Иране действовало 12 английских консульств в провинциальных городах (См. там же).
- ¹⁵ Ibid. P. 10–11.
- ¹⁶ FRUS.1941. Vol. III. P. 376.
- ¹⁷ *Lytle M. H.* Op. cit. P. 9.
- ¹⁸ *Понов М. В.* Указ. соч. С. 262.
- ¹⁹ Подобное послание было передано и главе правительства Италии Бенито Муссолини. Оба диктатора пытались дискредитировать это обращение президента США в глазах мировой общественности. (См.: FRUS. 1939. Vol. I. P. 130–133; *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. N. Y., 1979. P. 185–186; История дипломатии. Т. 3. М., 1945. С. 664–667)
- ²⁰ FRUS. 1939. Vol. I. P. 153–154.
- ²¹ *Rubin B.* Op. cit. P. 2.
- ²² FRUS. 1940. Vol. I. P. 117–119.
- ²³ Ibid. P. 131–133.
- ²⁴ Документы внешней политики СССР (Далее – ДВП СССР). Т. XXIII. Кн. 1. М., 1995. С. 30–32; Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 4: Вторая мировая война: Док. и материалы / Отв. ред. М. Ю. Мягков. М., 2002. С. 175–176; *Робертс Дж.* Сферы влияния и советская внешняя политика в 1939–1945 гг.: идеология, расчет, импровизация // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 81; *Lenczowski G.* Russia and the West in Iran, 1918–1948. N. Y., 1949. P. 193; *Sicker M.* Op. cit. P. 55; *Peter A.* Op. cit. P. 322–323; *Kuniholm B. R.* Op. cit. P. 137–138. Характерный эпизод. По возвращении В. М. Молотова НКВД СССР рекомендовал главам всех дипмиссий встретить его на вокзале. Ни американский, ни иранский послы не сделали этого (см.: FRUS. 1940. Vol. I. P. 583).
- ²⁵ FRUS. 1940. Vol. IV. P. 216.
- ²⁶ FRUS. 1941. Vol. I. P. 133.
- ²⁷ FRUS. 1939. Vol. II. P. 398–399.
- ²⁸ FRUS. 1940. Vol. II. P. 141.
- ²⁹ FRUS. 1940. Vol. III. P. 706–708; ДВП СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. М., 1998. С. 645–646; *Lenczowski G.* Op. cit. P. 161–162.
- ³⁰ *Агаев С. Л.* Указ. соч. С. 305; *Peter A.* Op. cit. P. 336. Именно поэтому в июне 1940 г. Реза-шах отправляет в отставку кабинет прогермански настроенного М. Дафтари (см.: ДВП СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. М., 1998. С. 381. Там же. Ч. 2. М., 1998. С. 646).
- ³¹ *Peter A.* Op. cit. P. 336; *Grayson B. L.* Op. cit. P. 53–55; *Кузнец Ю. Л.* Тегеран-43. М., 2003. С. 20; *Агаев С. Л.* Указ. соч. С. 314, 342
- ³² *Cottam R.W.* Iran and the United States. P., 1988. P. 54.
- ³³ *Millspaugh A. C.* Op. cit. P. 7.
- ³⁴ *Peter A.* Op. cit. P. 320; *Lytle M. H.* Op. cit. P. 21.